

20.1.96.

Моисеев Игорь

Клубные встречи

21 января Игорю Моисееву исполняется 90 лет. Балетмейстер, бессменный художественный руководитель прославленного танцевального ансамбля подошел к юбилею в отличной форме. Осанка пряма, как и в былые годы, и по-прежнему он — лучший в коллективе: "Если какой-нибудь артист говорит мне, что заданное движение невозможно сделать, я встаю и делаю..." 18 января в Концертном зале им. Чайковского Игорь Моисеев отвечал на вопросы журналистов.

Игорь МОИСЕЕВ:

Возг. клуб. - 1996. - 20 янв. - с. 7.

За свою жизнь я поставил 300 танцев, не считая множества тех, что я сам же забраковал

— Игорь Александрович, многие считают, что в творческом коллективе не может быть демократии — лишь разумная тирания. Вы согласны с этим?

— Я бы только исключил слово тирания. Должно быть разумное властвование, и, главное, не для себя, а для дела. Иначе ничего не получится: у семи нянек дитя без глаза.

— А можно ли это ваше утверждение распространить не только на творческий коллектив, но и на все общество?

— Не надо. В обществе нужна демократия. Вам пришлось видеть самые разные времена в истории нашего государства. Какие периоды были самыми грустными и самыми радостными для вас?

— Грустного было намного больше, чем радостного. Это естественно — 37-й год, война... Радости — они более личные. А вот если вспоминать дни ликования — это, конечно, наша Победа. И радость каких-то свершений. В частности, создание нашего ансамбля. Мы стали как бы олицетворением дружбы народов.

— Сегодня дружба народов воспринимается как понятие прошлого. Не кажется ли вам, что ансамбль — это последнее, что от него осталось в стране после распада национальных связей?

— Несомненно, и поэтому это надо особенно беречь как символ бывшей дружбы и, возможно, настоящей и будущей тоже. Проникая в культуру народов, мы стремились творчески обогатить ее свершения. И в этом не было и нет никакой фальши — все чистосердечно. Единая и могучая Россия создавалась несколько веков. А разрушилась она мгновенно. Я лично это пережил не только как несчастье для моей страны, но и как свое личное горе.

— Почувствовали ли вы собственную необходимость в первые зарубежные гастроли?

— Война еще не кончилась, а мы в феврале 45-го года уже были посланы в Финляндию. Язык наш не нуждается в переводе — все наглядно, просто, понятно. Ансамбль получился очень сильным инструментом для пропаганды. Успех был феноменальный. Все ожидали, что победителей будет связан с отщепенством или каким-то силовым, насильственным воздействием, а вместо этого пришли молодые юноши и девушки показывать свое мастерство. Мы действительно очень быстро завоевали сердца.

— Вас нарекли человеком, который в страшные годы репрессий не боялся Сталина при том, что часто приходилось об-

щаться с ним. Это была абсолютная свобода духа или отчаянная смелость?

— Я не боялся не оттого, что был таким смелым, а оттого, что многого не знал. А когда задним числом узнал, тогда и испугался. Конечно, я жил жизнью страны, когда каждый человек вечером, слыша шаги на лестнице, трепетал. Но масштабы происходящего узнал только во время войны, когда пришлось проехать по всей стране до Дальнего Востока через сплошные лагеря с заключенными... Ни один прием в Кремле не обходился без ансамбля. Приходилось встречаться, разговаривать со Сталиным. Но тогда я не думал, что это опасно. Вообще я всегда придерживался солдатского принципа: поближе к кухне, подальше от начальства.

— А если коснуться такой странички вашего творчества, как постановка парадов?

— Прежде всего это был предельный риск. И делалось все наспех — парад нельзя было готовить полгода. Первый парад я делал с 200 людьми, во втором уже было занято 500 человек, потом 1000, а во времена Берии уже 4000 человек. А на всю работу отводилось полтора месяца. Это была даже не смелость, а какая-то безрассудная уверенность, что все будет хорошо. При Берии ведь ошибаться было нельзя... Не думайте, что я сам шел этому навстречу. Все подробности я описал в книге, не хочу сейчас повторяться. Книга называется "Гастроль длиной в жизнь. Я вспоминаю..."

— Вы долго писали книгу?

— Можно сказать, что я работал над ней всю жизнь, потому что это моя биография. Но вы знаете, хорошо написанная биография — это такая же редкость, как хорошо прожитая жизнь. Сам я терпеть не могу писать, меня за столом в кабине трудно увидеть. Недавно я получил возможность продиктовать книгу. Вы не поверите, я начал ее осенью прошлого года и надиктовывал приблизительно по 4 — 5 часов десять дней. Ну а потом уже поправляли, редактировали. И я очень благодарен издательству "Согласие", которое в короткий срок сумело сделать удачную книгу.

— Славы и признания публики на вашу долю выпало достаточно. Было ли материальное вознаграждение соответствующим?

— Вы задели очень тонкую тему. Есть восточный принцип, гласящий следующее: создай и не обладай, трудись нещадно, добейся цели и удовлетворишься результатом. Вот я всю жизнь старался по этому принципу жить. Могу привести доказательство: за все время я не получил ни копейки за постановки танцев в ансамбле. Жил всегда только на зарплату (как по поговорке: "чтоб

тебе всю жизнь прожить на одну зарплату"). Если бы я сейчас предъявил счет, вышла бы астрономическая сумма. Но я этого не сделаю. Я безумно счастлив, когда у меня бывает творческая удача, и эта удача никак не может сравниться с тем, что я получу. Я говорю совершенно искренне, без всякой рисовки.

— Другим своим жизненным принципам вам всегда удавалось следовать?

— Старался, но, конечно, не всегда у меня это получалось. Но все-таки чувство удовлетворения есть, потому что мне многое удалось. Я считаю, что высшее счастье, когда человек попадает на свою стезю. Заниматься всю жизнь делом, которое ты не любишь и к которому сердце не лежит, — это большая трагедия. В этом отношении я чувствую себя счастливым, потому что занимался всегда тем, что, по-видимому, мне указано самой природой.

— Сейчас ваш ансамбль помолодел, построил, стал изящнее. И все же первые солисты ансамбля, кажется, были более яркими индивидуальностями.

— Это абсолютно объективный фактор, характерный для нашего времени, который я бы определил одним словом: бездуховность. В первом поколении ансамбля было много людей, не получивших настоящего танцевального образования, пришедших из самодеятельности, даже невзрачных на первый взгляд. Но был фанатизм и такая любовь, что преодолевалось все.

— Сколько поколений танцовщиков сменялось за время вашего руководства и сколько танцев, если велся счет, вы поставили?

— Поколений было как минимум четыре. А говорить о танцах сложно. Более трехсот были поставлены и шли, но нужно вспомнить еще о большом количестве танцев, которые мне самому не понравились и я их забраковал. Я думаю, что удача нашего репертуара и объясняется тем, что самым критичным редактором был я сам. Если у меня возникало сомнение, что номер недостаточно хорош, я либо браковал его, либо откладывал для дальнейшей доделки. 300 танцев — это действительно профильтрованные во всех отношениях.

— Вы пользовались услугами этнографов, историков, когда делали танцы?

— Да, приходилось, но я этого очень боялся и боюсь. Очень часто искусство гибнет от формализма всех требований документальности, когда нужен именно тот же замок на том же сапоге и та же пуговица. Я никогда не был формальным собирателем. К фольклору я не относился как к накаливанию бабочек на булавку. Фольклор для меня всегда был материалом для творчества. И учиться было у кого — у любого большого писателя. Возьмите сказки няни Арины Родионовны — чистый фольклор. А Пушкин сделал из этих сказок произведения мировой литературы. Это творческое отношение, а формальное отношение к фольклору — это мертвое собирательство.

— Вы задумывались над будущим национальных культур?

— Не надо ожидать его в тех же самых формах, которые были в прошлом. Чем дальше развивается цивилизация, тем больше народное творчество расширяет свои границы. Раньше каждая деревня имела свой костюм, свою песню, свои традиции. Потом это распространилось на более широкую область, потом на всю страну. Сейчас мы должны говорить уже о творчестве в европейском или американском масштабе, а впоследствии и в глобальном. Уже сейчас трудно уловить местные особенности того или иного танца: они растворены в большом количестве людей, влияний, вкусов.

— Через многие годы вы вновь возвращаетесь на сцену Большого театра, на сей раз — на свой юбилейный вечер. Можно это расценить как закономерный виток?

— Все, что я сделал в ансамбле, я собирался сделать в Большом театре. Я там хотел подготовить концертный репертуар из танцев разных народов. И не ограничиваться только отдельными номерами — в ансамбле мы от отдельных номеров пришли и к большим постановкам. Но мои желания в Большом с насмешкой были отвергнуты. Когда я ушел создавать ансамбль, некоторые там говорили, что Моисеев бросил театр и организовал пивную. Но наша работа показала, что мы сделали не пивную, а то, чем и Большой мог бы гордиться... Я 15 лет проработал в Большом театре. Из этого театра я произошел и там обрел мастерство. У меня никогда не порывалась связь. Правда, она была не официальной, но внешней, а внутренней. Я всегда переживал любую постановку театра — удачную или неудачную, — так же, как если бы сам имел к этому отношение. Я счастлив, что хоть и очень давно — в 37-м году — ушел из Большого, театр до сих пор меня помнит. Сейчас мы там проводим репетиции к моему юбилею, и я просто растроган, как там люди тепло меня встречают.

— Подводя итоги прожитого, могли бы вы вывести формулу успеха?

— Настоящая жизнь заключается в бесконечных преодолениях. Если нет преодолений, нет и жизни. А успех может быть поверхностным и серьезным — глубокий по существу. Есть очень хорошее четверостишие:

*Популярность шумна и изменчива,
По натуре она такова.
Только слава — надежная женщина,
Но она не жена, а вдова.*

Записала Ирина КОРНЕЕВА.
Фото Виктора СМОЛЯНИНОВА.